

1

В первый раз мы занимаемся сексом полностью одетыми, сидя за рабочими столами, в голубом свете мониторов. Он в Аптауне оцифровывает новую партию негативов, а я в Даунтауне отсматриваю правку новой книжки про лабрадора-детектива. Он рассказывает мне, что съел на обед, и спрашивает, могу ли я снять трусики на рабочем месте так, чтобы никто не заметил. Пунктуация его сообщений безукоризненна. Он любит выражения вроде «попробовать на вкус» и «раздвигать». Пустое поле тела письма наполнено возможностями. Разумеется, я переживаю, что айти может удаленно подключиться к моему компьютеру или что история браузера повлечет за собой очередное дисциплинарное взыскание от отдела кадров. Но риск... Азарт при одной мысли о невидимом наблюдателе. Сама вероятность того, что кто-то в офисе, исполненный сладкого послеобеденного довольства, наткнется на нашу переписку и увидит, с какой нежностью мы с Эриком выстроили этот мир для двоих.

В первом же сообщении он указал мне на пару опечаток в описании моего профиля и уточнил, что состоит в открытом браке. Его фотографии искренни и непритязательны — зернистый снимок, где он спит на песке, сделанное со спины фото, на котором он бреется. Последнее меня особенно трогает. Плитка в разводах и медленно исчезающий пар. В зеркале схвачены его серьезное лицо и испытующий взгляд. Я сохранила этот кадр на телефон, чтобы посматривать на него в метро. Женщины заглядывают мне через плечо и улыбаются, и я позволяю им думать, будто он принадлежит мне.

Вообще-то особым успехом у мужчин я не пользуюсь. И это не жалость к себе — просто констатация факта. Факт номер два: у меня большая грудь, под тяжестью которой сгибается спина. Больше фактов: у меня очень маленькая зарплата. Мне тяжело заводить друзей, и мужчины теряют ко мне интерес, как только я начинаю говорить. Поначалу все идет гладко, но потом я в чрезмерных подробностях сообщаю о своем перекруте яичника или завожу разговор об арендной плате.

Эрик другой. За две недели нашей переписки он рассказал мне, что рак унес половину его семьи по материнской линии. Он рассказал о любимой тете, которая варила зелья из лисьей шерсти и конопли. О том, как ее похоронили вместе с изображавшей ее самодельной куколкой из кукурузных листьев. Дом, где он вырос, Эрик описывает с любовью — вымирающая деревня между Милуоки и Апплатоном, желтогрудые иктерии

и лебеди прилетают к ним на задний двор в поисках еды. Когда о своем детстве говорю я, то рассказываю только о счастливых моментах. Видеокассета с фильмом «Спайс Уорлд», которую мне дарят на пятый день рождения, Барби, которую я испортила, засунув в микроволновку, когда осталась дома одна. Разумеется, сам контекст моего детства — бойз-бенды, «Ланчблс», под маркой которых продавались все полуфабрикаты, импичмент Билла Клинтона — только подчеркивает нашу разницу в возрасте. Эрик весьма болезненно воспринимает и свой, и мой возраст, и прилагает значительные усилия, чтобы нивелировать двадцать три года разницы между нами. Он подписан на меня в «Инстаграме» и оставляет длинные комментарии под всеми постами. Его пенсионерский интернет-сленг перемежается серьезными замечаниями о том, как красиво луч света падает на мое лицо. По сравнению с необъяснимой наглостью мужчин помоложе его поведение приносит мне утешение.

Мы переписываемся в течение месяца, прежде чем наши графики совпадают. Мы пытались встретиться раньше, но что-то постоянно мешало. И это лишь одно из отличий его жизни от моей. В мире Эрика присутствуют люди, которые полагаются на него, и иногда им срочно требуется его присутствие. После того, как он в очередной раз внезапно отменяет запланированную встречу, я понимаю, что тоже в нем нуж-

даюсь. И к тому моменту, когда мы договариваемся о первом свидании, я уже готова на что угодно. Он хочет поехать в «Сикс Флагс».

Мы решаем встретиться во вторник. Когда он подъезжает на своем белом «Вольво», в своей подготовке к свиданию я только добираюсь до репетирования уместного смеха. Я примеряю три платья, прежде чем выбрать то самое. Заплетаю косички и подвожу глаза. В раковине свалена посуда, вся квартира провоняла рыбой, но я не хочу, чтобы он подумал, будто это имеет ко мне хоть какое-то отношение. Надеваю нижнее белье — не столько трусики, сколько сложное переплетение веревочек, — и встаю перед зеркалом. «Ты желанная женщина, — думаю я. — Ты не просто кожаный мешок».

Автомобиль припаркован на обочине. Эрик стоит, прислонившись к машине; когда я выхожу, то сразу ловлю на себе его ясный взгляд. Волосы у него темнее, чем я думала — почти иссиня-черные. Его лицо до неприличия симметрично, только одна бровь выше другой, отчего улыбка кажется немного самодовольной. Это второй день лета, но городская жара над Эриком не властна. Я протягиваю ему руку, стараясь не проглотить язык, и чувствую себя несколько необычно. Ну да, я нервничаю. Вживую он выглядит как типичный папочка, с настороженным и напряженным взглядом, черты его лица смягчают разве что слегка редующие волосы. Но мое удивление не имеет с этим ничего общего, — ниче-

го общего с тем, как, вглядываясь в его чувственный рот и слегка искривленный нос, я пытаюсь определить, взволнован ли он так же, как и я. Скорее, дело в том, что на часах восемь пятнадцать утра, и я счастлива. Я не под кайфом и не нюхаю теплые соленые огурцы у кого-то на кухне, мечтая сдохнуть.

— Эдди, — представляюсь я, протягивая руку.

— Я знаю, — отзывается он, переплетая свои пальцы рук с моими даже чересчур нежно. Мне бы хотелось быть поживее, притянуть его в легкое, ни к чему не обязывающее объятие. Но происходит только это вялое рукопожатие, внушающее мне отвращение, эта моя предсказуемая и немедленная капитуляция, меняющая расстановку сил. После наступает худшая часть встречи с мужчиной среди бела дня — тот момент, когда ты видишь, как он тебя оценивает, за долю секунды решая, будет ли грядущий куннилингус актом восхищения или лишь обязательной частью программы.

Он открывает дверь, на зеркале заднего вида висит мягкий пушистый кубик игральной кости. На пассажирском сидении валяется недоеденная упаковка карамелек. Его сообщения были честными, полными заискивающей искренности. Но мы уже обменялись всеми историями, которые можно было бы рассказать на первом свидании, и разговор завязать тяжело. Он пробует заговорить о погоде, и мы начинаем обсуждать изменения климата. На территорию парка мы въезжаем, рассуждая в основном о том, что у нас есть все шансы поджариться как на сковородке.

Тяжело не концентрироваться на разнице в возрасте, когда тебя окружают самые кричащие напоминания о детстве. Воздушные шарик с Твити, бездушные пластмассовые глаза ростовой куклы Тасманского Дьявола, гранулированное мороженое «Диппин Дотс». Мы проходим через ворота на входе, и кислотное солнце оскорбительно бьет мне в глаза. Это парк развлечений. Он привел меня в парк для детей. Я всматриваюсь в его лицо, пытаюсь найти подтверждение тому, что это такая шутка — или проявление беспокойства о тех двадцати трех годах, что я провела на этой земле.

Меня разница в возрасте не волнует. Помимо того, что мужчины постарше имеют более стабильное финансовое положение и понимание того, как устроен клитор, мощным наркотиком оказывается и дисбаланс сил. Предвкушение того, как попадешься на крючок мучительной неопределенности их незаинтересованности и опыта. Их паника по поводу растущего безразличия мира. Их ярость от собственной несостоятельности, от которой подгибаются колени.

Но для него, похоже, это в новинку. Не столько сам факт свидания с кем-то, кто не его жена и на добрых два десятка лет его моложе, сколько свидание с девушкой, которая оказалась черной. Я прямо чувствую его неловкость, когда он с осторожно-

стью говорит «афроамериканец». Как решительно он отказывается произнести слово «черный». Я взяла себе за правило никого невинности в этом смысле не лишать. Не могу я быть первой чернокожей девушкой у белого парня. Нет у меня сил выносить это дерганое кривляние позерского рэпера, очевидные попытки использовать в речи побольше разговорных словечек или надутый горделивый вид розовощеких мужиков, напяливших на себя накидки из ткани кенте.

Пока мы пробираемся к шкафчикам, где можно оставить вещи, за стендом с Багзом Банни блеют отец и сын. Я открываю свою ячейку; внутри лежит подгузник. Эрик замечает это и зовет уборщика. Он извиняется передо мной — не столько за подгузник, сколько за выбор места для встречи. Мне это не нравится. Мне не нравится, что я в первую очередь думаю о том, как не задеть его чувства вместо того, чтобы предложить пойти куда-то еще. Что теперь нам обоим во время свидания придется пережить мои попытки доказать, что Я Отлично Провожу Время! и что Это Не Твоя Вина!

Месяц разговоров в интернете — это слишком долго. У меня чересчур разыгралось воображение. Я предположила, что свидание пройдет хорошо, основываясь лишь на том, как свободно он обращался с запятыми. Но в жизни все по-другому. Начнем хотя бы с того, что я не быстро соображаю. В диалоге лицом к лицу нет времени на то, чтобы обдумать свои слова или составить умный ответ в заметках

на телефоне. К тому же в расчет нужно принимать жар плоти. Близость к мужскому телу, сладкий, мускусный запах пота, пробивающийся через одеколон, животный взгляд. Мужское глубокое, адреналиновое безумие, хрупкость вынужденной сдержанности. Я чувствую это на себе и внутри себя, будто мной уже овладели. Когда мы переписывались, то оба самостоятельно заполняли лакуны, додумывали невысказанное. Мы заполняли их надеждой на лучшее с тем томлением, которое приукрашивает и искажает. Мы ходили на обстоятельные воображаемые ужины и говорили о том, как боимся предстоящих приемов у врача. Теперь никаких лакун нет, и когда он намазывает мне спину солнцезащитным кремом, это одновременно и чересчур, и недостаточно.

— Так хорошо? — спрашивает он, и его дыхание обжигает мою шею.

— Ага, — отвечаю я, стараясь не придавать этому телесному контакту большее значение, чем есть на самом деле. Хотя его ладони восхитительны. Они теплые, широкие и мягкие, а у меня уже несколько месяцев не было секса. В какой-то момент я уверена, что сейчас расплачусь; это меня совсем бы не удивило, потому что плачу я часто и по любому поводу (особенно из-за того рекламного ролика «Олив Гарден»). Я извиняюсь и бегу в туалет, где, глядя в зеркало, заверяю себя: существуют вещи поважнее того, что происходит со мной сейчас. Фальсификация результатов выборов, например. Или фирмы по производству генеалогических тестов, продающие результаты моих анализов государству.

Нужно же еще стараться выглядеть сексуально, пока со свистом мчишься с очередной американской горки в парке развлечений. Подобно большинству белых, которые будут преспокойно есть в лесу фасоль из банки, не обращая внимания на свежие фекалии бродящих где-то рядом голодных медведей, Эрик с легкостью мирится со смертностью своего рыхлого тела. Я же полностью отдаю себе отчет в том, сколькими способами могу умереть. Так что когда подросток, сотрудник парка развлечений, со вздохом затягивает на мне ремень и тянется к рычагам аттракциона, я думаю обо всех своих незавершенных делах: недоеденной упаковке фисташкового мороженого в морозилке, наполовину сдохшем вибраторе, заряда в котором осталось на полторы рючки, коллекции «Соседства мистера Роджерса»*.

Энтузиазм Эрика заразителен. После первых двух кругов я начинаю получать удовольствие — и не только потому, что смерть для меня означает отсутствие необходимости выплачивать долги за обучение. Он переплетает пальцы с моими и снова тащит меня к этому же аттракциону, явно настроенный заплатить больше, чтобы миновать очередь. Наклонившись завязать шнурки, я немно-

* «Соседство мистера Роджерса» — культовая в США телепередача, на которой выросло не одно поколение американцев.

го отстаю и нахожу его, беседующим с человеком в костюме Порки Пига. Они говорят о вакансиях в архиве.

— Мы всегда заинтересованы в качественном клиентском обслуживании, — подытоживает Эрик, вкладывая визитку со своим номером в розовую лапу Порки.

Мы забираемся на самую высокую американскую горку в третий раз, и он визжит так же, как в первый. Он действительно по-настоящему визжит. Сначала меня это отталкивает, но когда мы заходим на последний виток, я понимаю, что вообще-то мне это нравится. Мне это очень нравится. Сложно сказать, в чем причина — в диссонансе между его внешним видом и тем, как по-девчачьи звучит его визг, или в моей зависти к его восторгу, не то ужасу, не то ликованию, к желанию вновь пережить уже испытанные эмоции. Его радость настолько чиста, что мне хочется расстегнуть свой костюм из кожи и показать всю свою внутреннюю вязкую грязь. Но этот момент еще не настал.

В какой-то миг я замечаю, что в энтузиазм Эрика закрался оттенок легкой грусти, как будто он делает усилие, чтобы казаться веселым, как будто что-то доказывает. Когда мы залетаем на самую вершину горки, он поворачивается ко мне. В его волосах играет ветер, в глазах я вижу собственное дробящееся отражение. Внезапно мне становится очень больно от своей обычности, от своей открытости перед этим человеком, который притворяется, что я не просто дешевая замена гоночного итальянского автомобиля.

— Мне бы хотелось, чтобы каждый день был похож на этот, — говорит он, когда мы оказываемся в самой страшной точке любой американской горки: когда поезд замирает в вышине, и остается только ждать падения. Под нами в парке зажигаются огни. Все, чего я хочу — это чтобы он получил то, на что рассчитывает. Я хочу быть нетребовательной и простой. Хочу, чтобы не было никакого зазора между тем, как он меня представляет, и тем, какая я на самом деле. Я хочу, чтобы секс стал привычным и прохладным, чтобы у него не вставал, а я излишне подробно рассказывала о своем синдроме раздраженного кишечника, чтобы мы оказались повязаны взаимным утешением. Хочу, чтобы мы ругались на людях. А когда мы будем ссориться наедине друг с другом, хочу, чтобы он, может быть, даже ударил меня стгоряча. Хочу, чтобы у нас была долгая и плодотворная карьера орнитологов и чтобы мы одновременно узнали о том, что у нас рак. Потом я вспоминаю про его жену. Вагонетка трогается с места, и мы падаем вниз.

Весь день я думаю о его жене, презируя саму себя. Мне хочется надеяться, что она активный член соседского дозора. Еще было бы неплохо, если бы во время секса она лежала не двигаясь. Впрочем, также есть вероятность, что вообще-то она крутая. Она могла и в самом деле не возражать, что ее муж ходит на свидания с девушкой, у которой в шестнадцать раз больше жизнеспособных яйцеклеток. Она может заниматься йогой, следить за ретроградной Венерой

и пользоваться натуральным дезодорантом. Быть человеком, который настолько не боится других женщин Нью-Йорка, что благословляет всю эту половозрелую орду на трах со своим мужем.

Прокатившись еще несколько раз на американских горках, мы с Эриком направляемся в кафешку, стилизованную под салун, которая поражает обилием плетеной мебели. Это единственное место в парке, где продают алкоголь, и над баром светится неоновая вывеска в виде густых усов Йоземит Сэма*. Официантка в ковбойской шляпе бросает на стол пару липких меню. Она сообщает нам о предложении дня таким тоном, чтобы мы поняли: единственная наша задача как ее клиентов — это просто пойти и трахнуть. До этого момента мы провели весь день, сидя бок о бок. Я смотрю ему прямо в глаза, и мне практически больно. От его безраздельного внимания становится жарко.

— Ты хорошо проводишь время? — спрашивает он.

— Вроде того.

— Честно говоря, мне тяжело тебя прочесть, а у меня обычно это отлично получается.

Я допиваю пиво и стараюсь не показать, какой радостью наполняют меня его слова — значит, мне удалось не выдать ни свои фантазии, ни свое отвращение.

* Йоземит Сэм — персонаж мультфильмов «Луни Тюнз», заклятый враг Багза Банни.

— Ты какая-то отстраненная, — продолжает он, и мой внутренний ребенок довольно потирает руки. Отстраненность — отклонение от обычного, это выбор. Это вам не девчонка из Башвика, дочиста вылизывающая консервную банку из-под тунца.

— Я открытая книга, — говорю я, думая обо всех мужчинах, которые не смогли ее прочесть. С этими мужчинами я наделала ошибок. Я падала им в ноги, когда они пытались уйти из моей квартиры. Я бежала за ними по коридору с бутылкой жидкости для полости рта, обещая: «Я могу быть пляжным читом, я избавлюсь от всех придаточных, пожалуйста, я все перепишу».

Так что я изо всех сил стараюсь не очароваться. Насколько могу, стараюсь придать своему молчанию вид пронизательности, не выдать, что молчу я из страха сморозить какую-нибудь глупость.

— Ты встречаешься с кем-нибудь еще? — спрашивает он.

— Нет. Это заставляет тебя хотеть меня меньше?

— Нет. А ты хочешь меня меньше от того, что я женат?

— Из-за этого я хочу тебя еще больше, — отвечаю я, тут же думая, не сболтнула ли я лишнего, не совершила ли ошибку, признавшись, что он единственный. Никто не хочет то, что не хочет никто. Воздух пропитан навязчивой вонью туалета, травы и попкорна, и мужчина в баре тихо плачет рядом с гигантским плюшевым медведем. Впервые за день мне приходит в голову, что Эрик мог вы-